

17.06.98

День Булата Окуджавы на Трубной площади

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ПАМЯТИ

Независимая газета. - 1998.

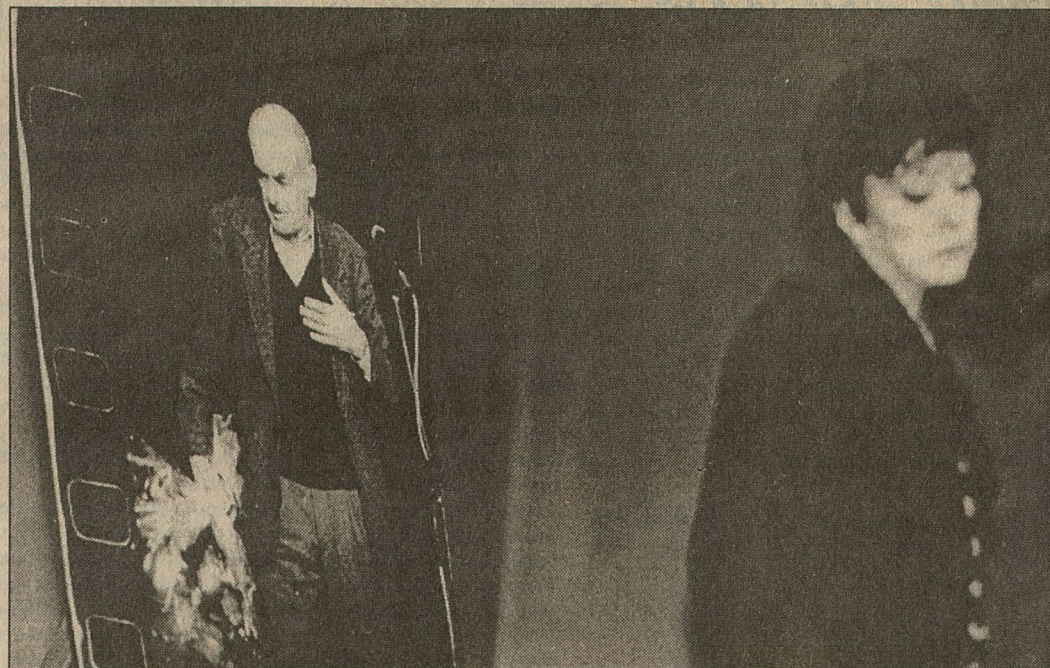
- 17 июня. - с. 7

Григорий Заславский

ДВЕНАДЦАТОГО июня, год назад, в театре «Школа современной пьесы» играли премьеру «Дон Кихота». Потом был банкет — по случаю премьеры и совпавшего с нею юбилея режиссера Иосифа Райхельгауза. Как всегда, пришли Чубайсы, Бурбулисы, Шохины... Первый тост был, однако, за Окуджаву, о котором по-прежнему было известно, что — в больнице и состояние тяжелое. Пили за здоровье, не зная, что уже — за упокой.

Прошел год, и Райхельгауз предложил повторить День поэта на Трубной, в память об Окуджаве и в память о том счастливом празднике, который устроил театр в честь Окуджавы в день его семидесятилетия 9 мая 1994 года. И память, которая у каждого своя, за суверенитет которой каждый человек готов бороться (см. об этом у Чехова, Беккета, Пинтера, Шеппарда, далее — почти везде), — по определению — предмет частной собственности, тут добровольно согласилась на коллективизацию. Звонили всем, кто на сцене и в зале «Школы современной пьесы» чествовал Булата Шалвовича четыре года назад, и все — артисты и зрители — с готовностью откликнулись.

Праздник, который начался в три часа дня на Трубной, вокруг специально сооруженной эстражки, получился. И если ничто не помешает, в смысле традиции, он может со временем стать добрым конкурентом «поэтических приношений» у памятника Пушкину в день рождения поэта. Позже, с пяти часов, на балконе театра (с двух сторон от него выставили те самые большие фотографии Окуджавы, которые

Два поэта. Белла Ахмадулина — посвящение Окуджаве.
Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

красовались в окнах театра в 94-м) стали выходить барды, просто певцы, просто поэты и пели свои песни, и что-то говорили хорошее, и пели песни Булата Окуджавы. Берковский пел, Шевчук пел... А в семь начался вечер в театре, в забитом до отказа зале (это несмотря на тридцатипятиградусную жару и совершенное отсутствие вентиляции в «Школе современной пьесы»; продували «по-черному», запахнув дверь на балкон).

Начал Райхельгауз. Следующий — Юрий Рост — вынес на сцену и закрепил на треноге фотографию Окуджавы, «выходящего из кадра» — покидающего сцену с букетом цветов, — следящую 9 мая 1994 года.

Потом были самые разные выступления. Трогательные и пронзительные поэтические посвящения Беллы Ахмадулиной, песенные — Бориса Гребенщикова и Юрия Шевчука, неожиданная хулиганская поэма Сергея Юрского, выразившего уверенность, что его «шаловливые рифмы», будь он жив, пришли бы по вкусу Булату Шалвовичу. Анатолий Борисович Чубайс, видимо, готовясь к президентской гонке 2004 года, выступил с пламенной политической речью о чести и достоинстве, о том, что в трудные дни сверял свою жизнь с Окуджавой и в общем даже делал жизнь с него, еще — как много пришлось пережить ему и его команде (были

угрозы, были убийства, объявления и необъявленные...), и между прочим обронил: «И все, что было его, стало нашим». В устах отца российской приватизации эта реплика прозвучала двусмысленно. Подхватив митинговый пафос, Егор Гайдар сказал о многих «глупостях с той и с другой стороны», которыми наградили годы его работы в правительстве. Лучше других политиков говорил Сергей Красавченко, не позабывший, что Окуджаву далеко не все принимал в нынешней власти. Орден к семидесятилетию принял, но случилось, что посылал факсы с протестами (по времени получается — против ввода войск в Чечню).

Выступали Юрий Любимов, Козаков, Козлов, несколько неуместно — самостоятельные артисты из какого-то комического театра (зато очень искренним было выступление Театра поэзии из города Иванова, тоже «перекожевавшего» из программы того памятного концерта), Валентин Никулин прочел или пропел «Давайте восклицать!..». Очень умно говорил оказавшийся по счастью в Москве Наум Коржавин: про талант, который вещь редкая, а не такая, что без него вроде бы и девка уже с тобой не ляжет (в том смысле, что девка ляжет и так, без таланта), про то, как впервые услышал, как Окуджаву читает и как поет свои стихи, и в музыке они, по мысли Коржавина, нашли идеальное воплощение поэтического таланта Окуджавы, про то, как боялся каких-то слов и рифм, слушая его, а Окуджаву всякий раз счастливо избегал всех пошлостей и страшных бездн безвкусицы. Откликнулся Коржавин и на монетаристские жалобы о глупостях: я, сказал Коржавин, из тех, кто говорил, говорю и буду говорить подобные глупости. И изменчивый зал, только что аплодировавший Гайдару, тут снова взорвался одобрительными аплодисментами. Жара стояла. И так хотелось друг другом восхищаться.

Потом всем раздали по стаканчику красного грузинского вина. Окуджаву помянули и молча стали выходить из зала, и только одна почитательница таланта нарушала тишину, в которой каждый мог снова инвентаризовать свои приватизированные воспоминания, отчаянно хлопала и несколько истерично принуждала к тому остальных: «Это же театр!» — кричала она. Но Окуджаву был поэтом, а не артистом. ■

Булат
Окуджавы